

стужа 'топь, трясина'; *дражкста* 'мокрая, сырая, с затяжными дождями, погода'; *бортун* 'головастик'; *брикун* то же; *кѳбах* 'выбоина на дороге'; *бин'ѳк* 'свиной желудок'; *кичѳк*, *киц'ѳк* то же; *бѳбѳх* то же; *вѳтр'ина*, *вѳтрав'ина* 'решетчатая грядка тележного (санного) ящика'; *бѳл'маха* 'парост на дереве'; *бамбѳла*, *бамбул'ѳка* то же; *бук* 'стрелка лука, чеснока'; *гѳк* 'соцветие подорожника; стрелка лука, чеснока; сук дерева'; *хѳла* 'бот, ботало'; *с'л'ивѳй* 'досочка-сиденье в лавне — приспособление для самоподъема бортика на дерево'; *закр'ѳж'ина* 'ребро крыши в виде ромбического бруса с пазами, куда входят торцы кровельных досок'; *коштел'ѳк*, *коштал'ѳк* 'стоптаный лапоть'; *ч'ѳпец* 'растение ситник *Juncus*'; *мекезѳ* то же; *калитка* 'чурка на шее свиньи; палочка для регулирования вертикального положения нита п бердовой рамы'; *посѳртѳха* 'палочка для регулирования вертикального положения нита и бердовой рамы'; *т'ѳт'ѳк*, *ц'ѳц'ѳк* то же; *кал'ѳтка* 'устройство в мельнице, которое регулирует подачу зерна из коша на камни; лыко свернутое в виде восьмерки'; *ганджѳлка* 'лыко, свернутое в кольцо'; *гамеслѳ* то же; *рѳпка* 'обрезанная, очищенная лозовая кора, полностью приготовленная для плетения лаптей или корзин'; *стѳпѳта* с. р. 'комплект станковых ткаческих принадлежностей без стоек'; *скѳм'ѳца* 'челюсть'; *качѳрка* 'стебель капуств'; *совнѳ* 'быстрое течение воды (на камнях или какой-либо другой преграде)'; *бѳз'н'ѳк* 'растение азалия понтийская *Azalea pontica* (*Rhododendron Pavum*)'; *лепѳхѳ* 'растение рогоз широколистный *Typha latifolia*'; *л'ѳл'ѳка* 'растение аир *Acorus calamus*'; *л'ѳвичит'* 'идти, заливая землю (о дожде)'; *саргѳн* 'куча снега, наметенная ветром'; *с'л'ѳгѳта* 'снег с дождем'; *пр'ѳса* 'конский храп; коровий (бычий) храп'; *пар'сѳна*, *пар'цѳна* 'свиное рыло; конский храп; коровий (бычий) храп'; *м'ѳга* 'конский храп; коровий (бычий) храп'; *одбайсѳт* 'отрезать толстый ломоть хлеба'; *цѳп'ѳка* 'тупой конец яйца'; *хал'ѳва* 'дно каравая; щель между бревнами сруба, образовавшаяся от недостаточной вырубленной чашки'; *х'ѳзѳк* 'навес для сена в виде подвижной крыши на четырех столбах'; *фѳтит ѳѳду* (о течении на месте глубокой ямы, где бурлит вода); *шалгѳн* 'плетеная корзина для хранения сала'; *цѳбѳчѳк* 'соцветие подорожника'; *пасѳг* 'сосулька'; *шѳпѳшка* 'растительная почка'; *г'ѳра*, *г'ѳрка* 'верша'; *ѳзѳк'ѳ* 'печеная картошка'; *пѳтош* ж. р. 'все съедобные грибы, кроме гриба белого *Boletus edulis*'; *музкѳл'* ж. р. 'насекомое (в общем значении)'; *дригѳла*, *ригѳла* мн. ч. 'тренога, к которой подвешивается колыбель' и многие др.

Примечания

- 1 Словник української мови. Київ, 1970—1980 (Далее — СУМ).
- 2 При отсутствии ссылки материал авторский.
- 3 Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов. — В кн.: Полесье. М., 1960, 250 (далее — Марусенко).
- 4 Німчук В. В. Питання про зв'язки закарипатських українських говорів з південнослов'янськими мовами. — В кн.: Тези доповідей V міжзузівської республіканської славистичної конференції. Ужгород, 1962.
- 5 Марусенко 233.
- 6 Там же, 238.

- 7 Беларуско-руські слоўнік / Пад рэд. К. К. Крапівы. М., 1962.
- 8 Сігеда П. Г. Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Брэстчыны. — В кн.: Народная лексіка. Мінск, 1977, 84.
- 9 Беларуско-рускі слоўнік.
- 10 Клімчук Ф. Д. Спецыфічная лексыка дрогічынскага Полесься. — В кн.: Лексыка Полесься. М., 1968, 70.
- 11 Вештарт Г. Ф. Матэрыялы для дыялектнага слоўніка. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, 63.
- 12 Клімчук Ф. Д. 3 лексікі цэнтральнага Загароддзя. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, 145.
- 13 СУМ.
- 14 Шушкевич В. Гуцульщина. Матэрыялы до украінсько-руської етнології. Львів, 1899, I, 165.
- 15 Масленникова Л. И. Из полесской терминологии транспорта. — В кн.: Лексыка Полесься. М., 1968, 170.
- 16 СУМ.
- 17 Беларуско-рускі слоўнік.
- 18 Там же.
- 19 Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1979, III; Саскевіч М. А. Яшчэ з лексікі вёскі Пагост Жыткавіцкага раёна. — В кн.: Народная словатворчасць. Мінск, 1979, 99.
- 20 Лучыц-Федарэц І. Г. Будаўнічая тэрміналогія беларускага прыпяцкага Полесься. — В кн.: Народнае слова. Мінск, 1976, 227; Сцяцко П. У. Народная лексыка і словаўтварэнне. Мінск, 1972, 177.
- 21 Масленникова Л. И. Из полесской терминологии транспорта, 175; Яшкін І. Я. 3 лексікі вёскі Дудзічы і Азярычына Пухавіцкага раёна. — В кн.: 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975, 112; Сцяцко П. У. Народная лексыка і словаўтварэнне, 177.
- 22 Масленникова Л. И. Из полесской терминологии транспорта, 175.
- 23 Там же.
- 24 Сцяцко П. У. Народная лексыка і словаўтварэнне, 177.
- 25 Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963, карта № 257; Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Уступныя артыкулы. Даведчыны матэрыялы і каментары да карт. Мінск, 1963, 828.
- 26 Куриленко В. М. Лексыка жывотноводства в полесских говорах. — Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.
- 27 Яворницький Д. Г. Словник української мови. Катеринослав, 1920, I.

Г. Ф. Одинцов

ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАЗВАНИЙ ОРУЖИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, исследование целых групп, систем слов и закопов их семантических изменений все больше входит в практику историко-лексикологических разысканий. И это понятно: «анализ качественных изменений в структуре значений слов — в их историческом движении — является одной из основных задач исторической лексикологии»¹.

Рассмотрим вопрос о семантическом развитии названий оружия в русском языке. Большинство названий оружия, представленных в древнерусских текстах и сохранившихся по настоящее время,

имело за этот период определенные общие закономерности своего семантического развития, исключая немногие семантически неизменные слова, как, например, существительное *сабля*.

При рассмотрении этих закономерностей, получивших отражение в текстах XI—XVII вв., мы считаем древнерусскими памятниками письменности как те из них, которые нередко именуется «народно-литературными» (летописи, «Слово о полку Игореве» и т. п.) и деловыми (например, «Русская Правда», различные описи оружия), так и те, которые именуется «книжно-славянскими» (например, Библия, «Хроника Георгия Амартола»), независимо от того, считали или не считали языковую ситуацию в Древней Руси двуязычием: языковые различия, действительно существенные в области фонетики и грамматики между памятниками церковнославянскими и нецерковнославянскими, оказываются не столь значительными, если говорить о некоторых тематических группах лексики, включая названия оружия.

Первая важнейшая линия семантического развития интересующей нас группы слов — сужение и специализация лексического значения названий конкретных видов оружия. Наиболее наглядно эту закономерность можно иллюстрировать материалом важнейших древнерусских наименований огнестрельного оружия, и именно потому, что его появление и начало использования хорошо засвидетельствовано в письменных памятниках. Так, слово *пушка* на первых порах имело значение не только «артиллерийское орудие», но и — как в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (см.: Срезневский II, 1742), — «ручное огнестрельное оружие»²; ср. ст.-рус. *пушкетъ* «старинное (стрелецкое) ружье», упоминаемое в тексте 1691 г. (Опочки, 184. — Картотека ДРС) и возникшее, вероятно, под влиянием термина *мушкетъ*; ср., далее, укр. *пiшка*, редк. «пушка» и обл. «ружье» (УРС IV, 563), ст.-польск. *puszka* «ручное огнестрельное оружие» и «пушка» (Sł. str. VII, 403; напомним, что др.-рус. *пушка* заимствовано именно через польское посредство (Brückner, 449; Фасмер III, 415³); любопытны также болг. *пiшка* «ручное длинноствольное огнестрельное оружие» и устар. *пушкiло* «пушка, артиллерийское орудие» (РБЕ II, 922—923), макед. *пушка* «ружье, винтовка» (И-С, 425), с.-хорв. *piška*, стар. *piška* «ружье» (RJA XII, 732) и т. п., причем двузначность древнерусского термина *пушка* находится в полном соответствии с этимологией этого германизма [из др.-в.-нем. *buhsa* «трубка» → «вид огнестрельного оружия»; ср. этимологически родственное ему англ. *box* «коробка». — См.: Фасмер III, 415—416; ср. в связи с этим значение старорусского *пушка* «коробка» (наряду с семантикой «пушка») и уменьшит. *пушечка* «коробочка», обнаруженное нами в рукописном русско-голландском лексиконе начала XVIII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 1018, л. 70, 118 об.), а также белорусское *пушка* «коробка»⁴.

Два других древнерусских обозначения артиллерийского орудия — *тюфякъ* «пушка, предназначенная для стрельбы так называемым «дробосечным железом» (специальной картечью)» (Софий-

ский временник 1382 г. — Срезневский III, 1040—1041) и *пищаль* «артиллерийское орудие, имевшее часто, но не обязательно большую длину ствола, чем пушка» (Устав ратных дел 1607—1621 гг., ч. I, п. 108) — также имели и другое значение: «ручное огнестрельное оружие» (ср. словосочетания *пищаль ручная*, уже в 1545 г. — ААЭ I, № 205; *пищаль казачья с прикладом*, 1661 г. — Опись оружия (моск.) — ЦГАДА, ф. 396, оп. I, ч. 6, л. № 7250, л. 3; *тюфякъ короткою винтованною* — в Описной книге Моск. Оружейной палаты 1687 г. — ЦГАДА, ф. 396, оп. II, ч. 2, № 936, л. 431). В XVIII в. существительное *тюфякъ* утратило значение «ружье», а *пищаль* — значение «пушка».

О. В. Малкова справедливо обратила внимание на двузначность древнерусского термина *мушкетъ*: 1) «ручное огнестрельное оружие с фитильным замком» (Х. Рад., 104, 1628 г.); 2) «разновидность пушки (легкое артиллерийское орудие)» (Кп. зап. Моск. ст. II, 13, 1637 г.) (См.: СлРЯ XI—XVII вв., вып. 9, 324—325. Ср. словосочетание *затинные мушкетки* в Уставе ратных дел Аписима Михайлова, ч. II, с. 6, 1607—1621 гг.). Второе из этих значений в новое время было утрачено.

Даже слово *ручница* до конца XVII в. иногда имеет не только семантику «ручная пищаль», но и в сочетании с прилагательным *затинная* — «легкое артиллерийское орудие».

Далее. Слово *ядро* в качестве военного термина первоначально имело два значения: 1) «пушечный снаряд»; 2) «пуля». В обоих значениях оно встречается в одной и той же грамоте Ивана Грозного к новгородским воеводам (1555 г.): «Послалъ есмь къ вамъ наряду (т. е. артиллерийских орудий. — Г. О.): три пищали полуторные да пять девятишадныхъ, а ядеръ по сту къ пищали, а зелья (т. е. пороху. — Г. О.) противу ядеръ шестьдесятъ пудъ сорокового, да три пуды ручного зелья. . . да двадцать гривенокъ свинцу пушкаремъ къ ручницамъ на ядра; а пушкари съ нарядомъ посланы съ Москвы. . . а у ихъ ручницы (т. е. старинные ружья. — Г. О.)³. С течением времени, однако, в условиях появления в XVII в. и активизации термина *пулька* и *пуля* (также несколько раньше *куля*), семантика суц. *ядро* «пуля» была утрачена, как и значение «артиллерийское орудие для стрельбы разрывными снарядами» у термина *гранатъ*, м. и *граната*, ж. (сохранилось в наши дни другое его значение — «разрывной снаряд»); подчеркнем, что оба значения термина *гранатъ*(-а) отмечаются в СлРЯ XI—XVII вв., вып. 4, 122.

Двузначность приведенных названий оружия, исчезающая в XVIII в., находит себе объяснение в том, что по своей конструкции древнейшие образцы ручного огнестрельного и артиллерийского оружия соответствующих калибров не отличались резко друг от друга⁵.

Развитие от полисемии к однозначности мы наблюдаем и у важнейших терминов, обозначавших холодное оружие. Так, др.-рус. *мечь* имело следующие значения: 1) «длинный воицкий нож» (Евангелие XIII в. — ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Фп I, 9, л. 131, Лк XXII, 38; Юрьевское евангелие 1418—1428 гг. — тот же стих, —

на месте греч. *μάχαιρα*, употребленного в данном стихе в значении 'нож', по наблюдению В. Бауэра; ср. еще: въгрузи мечь весь въ чрево [воина. — Г. О.] Флавий. Полон. Иерус. (М.), XI в., сл. XVI в.⁶; ср. ст.-слав. *мечъ* 'меч, нож' (Sadnik — Aitzetmüller, 55), болг. *мечъ* 'нож, сабля' (Героу II, 63) (значение 'воинский нож' древнерусского *мечъ* характерно для переводных, а не оригинальных текстов, но оно было вполне реальным, отражавшим представления русских людей о некоторых видах клинков, существовавших за пределами Киевской и Московской Руси, и прежде всего в местах первоначального распространения христианства); 2) 'кривой меч' (Псалтырь, стихи LVI, CLI, в десятках списков XI—XIV вв.⁷); 3) 'обоюдострое колюще-режущее оружие длиной от 70 см и более' (во многих текстах); 4) 'сабля' (Летопись Авраамки, под 1330 г.⁸); 5) 'прямой однолезвийный клинок' («Сказка об Уруслане Залазаревиче», XVII в.⁹).

Четвертое значение постепенно утрачено словом *мечъ* под действием все более активного ориентализма *сабля*; пятое — перешло к слову *палаш*, засвидетельствованному в русской письменности с XVII в.; первое — к слову *кордъ*, известному в русских текстах с 1519 г. В настоящее время *меч* — однозначный термин: 'меч'.

Термин *ножь* в древности означал и 'нож (culter)' и 'меч (gladius)' (Срезневский II, 463). Ср. замену *мечъ* на *ножь* в библейских текстах (Евангелие XIII в. — ГПБ им. Салтыкова-Щедрина: Фп.1.9, л. 131—131 об.)¹⁰.

Возможно, *ножь* 'меч' — семантический архаизм в древнерусском языке, так как встречается лишь в церковнославянских текстах, как известно, особенно архаичных и традиционных по языку. Двухзначность древнерусского *ножь* и его связь со словом *мечъ* объясняются тем, что меч возник, как полагают, вследствие удлинения пожа с целью увеличения его режущей части для расширения площади рассечения при нанесении удара¹¹.

По-видимому, первоначально более широкая семантика была и у древнего термина *копье*¹², обозначавшего как соответствующее оружие, так и орудие труда.

Слово *лукъ* в наиболее древних памятниках письменности означало не только 'лук (вид оружия)', но и 'самострел' (в «Повести временных лет» словосочетание *самострѣльный лукъ* не случайно предшествует в записях по годам термину *самострѣль*).

Существительное *кордъ* в русских текстах на первых порах имело семантику 'короткий меч' и 'меч как таковой', также 'абордажная сабля', но к моменту своего исчезновения в XVII в., вытесняемое словом *тесахъ* 'короткий меч', уже сохраняло только свое первое значение.

Другая линия развития — расширение семантики обобщенных названий — *оружие* (-ье), *бой*. Первое из них до XVI—XVII вв. указывало лишь на холодное оружие; в позднее средневековье его семантика расширяется до современной: 'любое оружие'. В качестве его синонима слово *бой* встречается в русских текстах с XVI—XVII вв. сначала в составе словосочетания

(е)огнен(н)ый бой; но уже в текстах XVII в. сущ. *бой* может указывать на любой вид оружия (под немецким ли влиянием? — ср. *Schläger* 'раштра', *Schlägring* 'кастет' и пр.), хотя и с синтагматическими ограничениями. В новое время *бой* 'оружие' вытеснено его синонимом *оружие*.

Следующая линия развития — семантический процесс детерминологизации: названия оружия с течением времени превращаются в наименования парадно-декоративных, символических предметов вооружения (*булава*, *кортик* и пр.), или орудий охоты (*стрела*, *лук*, *рогатина*, обл. *томар*, *томарка* 'вид стрелы', обл. *засапожник* 'охотничий нож' и т. п.), или же — в наши дни — спортивных снарядов (те же *лук*, *стрела*, *копье*, *шлага* и т. д.).

Все эти линии семантического развития: сужение значения конкретных терминов, расширение семантики родового термина (*оружие*), детерминологизация отдельных слов — объективно отражают процесс совершенствования и увеличения разных видов оружия. С этими семантическими явлениями связан лексический процесс исчезновения ряда названий оружия.

Таким образом, в семантической структуре наиболее важных известных с давних пор русских названий оружия: *граната*, *копье*, *меч*, *мушкет*, *ножь*, *оружие*, *пицаль*, *пушка*, *рогатина* и т. д. — произошли закономерные изменения, отражающие развитие военного дела на Руси.

Можно предполагать, что кратко описанные здесь пути семантического развития должны иметь место не только в русском языке, т. е. приобретают применительно к названиям оружия вполне определенный характер языковых (и культурных) универсалий.

Примечания

- ¹ *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова. — ВЯ, 1953, № 5, 3.
- ² Это явление прослеживается в нашей статье «К истории русских военных терминов *пушка*, *тюфякъ*, *пицаль*, *винтовка*». — В кн.: Этимология. 1978. М., 1980, 114—115. Там же, на с. 115—119, выявлена двухзначность древнерусского термина *пушка* в рассмотренных контекстах.
- ³ См. там же, 114—116.
- ⁴ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846, т. I, 132. Вероятно, упоминаемое в этой цитате ручное огнестрельное оружие было выдано пушкарям при их отъезде с артиллерийским «снарядом» из Москвы в Новгород с целью защиты пушек от нападения разбойников или врагов.
- ⁵ *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1877, ч. 1, 234—235.
- ⁶ *Мещерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1968, 463.
- ⁷ *Срезневский В.* Древний славянский перевод псалтыри. Исследование его текста и языка по рукописям XI—XIV вв. СПб., 1878, I, 37 и 73.
- ⁸ Полное собрание русских летописей. СПб., 1889, т. XVI, 66.
- ⁹ Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихоновым. М., 1859, т. II, отд. II, 118.
- ¹⁰ См. подробнее: *Одицков Г. Ф.* К истории древнерусских названий боевых пожей. — В кн.: Этимология. 1980. М., 1982, 121—123.
- ¹¹ *Бобчева Л.* Взоруженнетио в нашпте земи през късно римско време. — В кн.: Военно-исторически сборник. Год. XXVI, 1957, № 2, 38.
- ¹² См.: *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, 127.